

На лыжи!

Слова И. Лобанова

Музыка В. Запольского

Жива

1. Крепко подмерзло, солнечный денек На густые в зимний лес пушистый

лес. Мы на лыжах про св. кой мчимся наярник, Ед ка светок бр. си да

Кружок

снега воротник. На лы. жи, ре. бя. га! По сас. же му

снегу вперед! нас по. ле го. ро, ви.

на крас. но. че. ка. и. лает! лает!

The musical score is written for voice and piano. It features a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The melody is lively and rhythmic, with many eighth and sixteenth notes. The lyrics are in Russian and describe a winter scene of skiing. The score includes various musical notations such as slurs, ties, and dynamic markings like 'f' (forte) and 'mf' (mezzo-forte). There are also some performance instructions like 'Жива' (Allegro) and 'Кружок' (Circle) above the staff.

Слова см. на 31-й стр.

№ 1

Январь 1957 год.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и
Горкома ВЛКСМ

Наш юный читатель!

Редакция газеты «Ленинские искры» будет издавать для тебя приложение к газете — маленькую книжечку «Искорка».

В ней ты сможешь прочитать интересный рассказ, стихи, познакомиться с героями наших дней, узнать историю комсомольской и пионерской организаций, а в часы досуга посидеть над разгадыванием кроссвордов, шарад и головоломок.

Что бы ты хотел прочитать на страницах «Искорки», каким бы хотел видеть своё приложение — напиши об этом в редакцию.

* * *

Друзья!
Хочу я вам признаться:
Я ликовал,
Когда узнал,
Что есть у юных
Ленинградцев
Теперь ещё один журнал!

Пусть ваша «Искорка»
Не тлеет,
Пусть ярче
Светит вам она,
Со всеми,
Кто читать умеет,
По-настоящему
Дружна.

С. МИХАЛКОВ

Славен город Ленинград,
Каждый знает это.
В Ленинграде у ребят
Есть своя газета.
Стал ещё с недавних пор
Выходить журнал
«Костёр»,

Но ребятам мало
Одного журнала.
Пусть на радость всех
ребят, —
Лучше нет подарка, —
Дружно «Искорки»
горят,
Весело и ярко.

М. ДУДИН

Друзья- приятели

Многие из вас, вероятно, видели в кукольном театре Евг. Деммени «Сказку о морях и ветрах». Написал её Аркадий Миронович Минчковский. Пишет он и пьесы, и повести и рассказы.

Рисунки В. Орлова

Витя Лопатина с Дегтярной, 13, завелись два рубля. Один, выданный матерью на завтрак в школе, не был истрачен и две недели, ожидая своей судьбы, пролежал в спичечном коробке, запрятанном в дальний угол комода. Второй появился сегодня. Мать уходила на работу в вечер и сказала:

— Вот тебе рублёвка. Купишь слойку и ешь.

Она слегка вздохнула. Витя знал, это означало: «Не очень-то много у нас с тобой рублей, но что поделаешь!...»

Мать Витя работает кондуктором трамвая, а отца у него нет.

Как только Витя остался один, он вытащил из коробка с верблюдами на крышке помятый рубль и, сложив его вчетверо вместе с другим, затолкал туда оба.

Он вовсе не собирался их тратить на какие-то там слойки.

Запратав коробок, Витя сел у окна и стал думать, что бы ему купить. Неплохо было бы, например, приобрести подростковый велосипед «Орлёнок» со свободным ходом, тормозом и динамкой на колесе, как у полковничьего Валерки из седьмой квартиры, или портрет маршала Жукова в раме, который висел в «культтовз-рах» на Суворовском. Хорошая вещь была ещё градусник — привинти с той стороны к окошку и смотри, сколько холода и тепла,

или фильмоскоп — показывай сам себе кино, когда хочешь... Витяй вздохнул, — всего этого на два рубля и с прибавкой не купишь.

Стало скучно. Он подумал, не поесть ли ему. На столе стояла алюминиевая кастрюля, рядом хлеб под полотенцем и ещё что-то в тарелке, прикрытой другой тарелкой. «Ещё что-то» оказалось селёдкой в масле, а в кастрюле была картошка. Она, наверное, варилась долго и потому вся рассыпалась. Ни селёдки, ни картошки Витяю не хотелось. Он закрыл кастрюлю и высунулся в окно. Был восьмой час, но в октябре в это время во дворе ещё всё видно. Среди садика с голыми деревьями бегали и орали

девчонки. Они играли в «Али-Баба». Витяй посмотрел на них с презрением и стал глядеть в другую сторону. По дровам возле стены крался за голубем рыжий кот из девятого номера. Витяй с удовольствием бы запустил в него, да боялся попасть в дворничиху, тётю Настю, которая стояла в белом фартуке и кричала на ребят, чтобы они так не орали. Вдруг Витяй увидел, что по двору — руки в карман — одиноко прогуливается Лёшка Чуркин. Походит, походит, подопнёт камешек, сплюнет, посвистит, опять походит, и опять сплюнет и посвистит. Чувствовалось, человек тоже скучал.

— Лё-о-о-ош! — протяжно позвал Витяй с риском вывалиться с пятого этажа. Лёшка услышал, задрал голову и пронзительно свистнул.

— Че-во де-е-ла-ешь? — крикнул Витяй.

— Ни-че-во-о, а ты че-во-о?

— Ни-че-во-о!

— Сейчас иду-у! — крикнул Витяй и сполз с окна. Он был человек компанейский и решил, что если уж развеивать скуку, так вместе. Витяй надел фуражку, с тоской посмотрел на расправленную на спинке кровати

форму, — мать разрешала её надевать только в школу, — и стал натягивать старую тужурку. Здесь наступила секунда сомнения. Однако сердце не камень, — и коробок с верблюдами на крышке через минуту был пуст.

У Витяя была выработана своя техника спуска с лестницы: он хватался за холодные железные стержни перил и прыгал вниз через столько ступеней, насколько мог. Стремительный спуск сопровождался таким топотом, свистом и гиканьем, что за дверьми квартир поднимался неистовый собачий лай.

Витяй выскочил во двор. Лёшка встретил его у дверей с видом человека, который ничего хорошего в ближайшее время от жизни не ждал.

— Ты чево делаешь? — начал было Витяй, но, поняв, что вопрос этот давно выяснен, разжал кулак, в котором лежали два сплюснутых рубля, и сказал гордо:

— Во-о!.. Видал? Мои!

Наступила томительная пауза. Лёшка был хитёр, он выжидающе посвистывал, держа руки в карманах, словно деньги его ни капельки не интересовали. Витяй раздуывал, как бы с наибольшим эффектом истратить деньги.

— Проедим? — предложил Лёшка.

Витяй подумал: «Ох, и ловок же!». Но правде сказать, он думал о поездке на метро, или о приобретении марки с Кремлём, но, посмотрев на Лёшку, только спросил:

— А у тебя будут — проешь со мной?

— Спрашиваешь...

— Пошли!

Они обнялись и решительно зашагали под ворота.

Витяй и Лёшка ходили в один третий «Б», и обоим им скоро должно было стукнуть десять. Витяй был маленький и быстрый, а Лёшка наоборот — долговязый, почти на голову выше, и медлительный. Витяй носил свою, купленную ему «на вырост», фуражку, сдвинув на макушку. Лёшка наоборот — натягивал кепку, которая ему давно стала мала, почти на самый нос. Когда друзья ходили обнявшись, Лёшка клал руку на плечо Витяя, удобно опершись на него. Витяю же приходилось, обхватив Лёшкину талию, поддерживать друга снизу.

Неподалёку от их дома, на углу Суворовского, толстая женщина в белой тужурке торговала горячими пирожками. Когда она поднимала крышку своего металлического ящика на колёсах, оттуда вулканом вырывался пар и плыл над тротуаром, аппетитно щекоча в носу у прохожих. Лёшка слегка толкнул Витяя локтем:

— Давай пирожков... Они с повидлом!

Но Витю показалось глупым так необдуманно расставаться с деньгами.

— Пошли в «гастроном», — сказал он. — Там, знаешь, какие штуки есть...

Лёшке, видно, очень хотелось пирожков, но хозяином положения был Витяй, и через пять минут они уже поднимались по ступенькам «гастронома».

Яркие лампы отражались в белых, разливанных, как тетрадь по арифметике, стенах. Конечно, Витяй тут уже бывал, но одно дело с матерью, — стой и жди, пока она там чего-то возьмёт, другое, — самому, с двумя рублями: что хочешь, то и покупай.

— Может, торта? — спросил Витяй. Они стояли у согнутого горкой стекла, за которым розовели хитроумные торты.

— Тётяшка, сколько стоит такой, с цветочком?

Услышав ответ, Витяй встал на полные ступни и, выпустив воздух, посмотрел на Лёшку:

— Не очень-то и хотелось. Верно?

Лёшка кивнул головой. За тортами и пирожными начинались конфеты. Пестрая обёртками, они пирамидами возвышались в вазах.

— Возьмём золотого ключика. Знаешь, на сколько хватит...

— Куда его, — равнодушно буркнул Лёшка и потянул за рукав Витяя.

Винная витрина надолго остановила внимание приятелей. Зачарованно они рассматривали наполненные напитками бутылки, за которыми рубиновым и янтарным огнём горели лампочки.

— Хочешь сидра?.. Или, вот, вишнёвая. Это, наверное, сладкая... Ага? — Витяй призывно глянул на Лёшку.

— Это водка. Маленьким не продаётся, — послышалось откуда-то сверху. Витяй задрал голову. Какой-то высоченный, в очках и шляпе, протягивал над ними руку, как памятник, и улыбался.

— Шампанского, пожалуйста.

«Тебе хорошо, ты такой вырос», — подумал Витяй, выбираясь из-под широкого пальто человека в очках.

Дальше были колбасы. Каких их только не напридумывали: одна — шаром, толстая, как футбольный мяч, другую для чего-то выложили шахматной доской, третья называлась совсем уже смешно: «докторская». Витяй обеими руками уцепился за металлический поручень, чтобы получше рассмотреть странную колбасу.

— Тётъ, а тётъ, это вся столько стоит?

— Сто граммов, — ответила розовая продавщица, с тонким, как шпага, ножом.

— Сто граммов! — Витяй тихонько присвистнул и опять посмотрел на Лёшку, которому вся эта история начинала порядком надоедать.

Но Витяй не унимался:

— Пошли в мясной!..

— Ещё чего там! — Лёшка готов был возмутиться. — Хватит тебе, бери ключиков, что ли...

Видно, Лёшке уж очень не терпелось чего-нибудь положить в рот. Витяй вздохнул. Он был сговорчив: .

— Ну, ладно.

Он пошёл в кассу и встал в очередь. Лёшка ждал поодаль, с безразличным видом облокотившись на столик. Однако вскоре произошло нечто, что вывело Лёшку из состояния покоя. Он заметил, как Витяй, стоя в очереди, покраснев, с невероятной поспешностью, будто его кто-то кусает, совал руки то в один, то в другой карман тужурки и брюк. При этом очередь, в которой он стоял, разорвалась на две. Одна приближалась к кассе, а другая застыла на месте за спиной Витая, так как он, занятый собой, перестал двигаться вперёд. Лёшка поспешил к другу.

— Ты чего? — спросил он с тревогой.

— Рублей нету, — как-то в себя прохрипел Витяй.

— Ты же их в карман сунул.

— Ну да, а теперь нету.

— Лучше ищи.

Очередь их давно обошла. Витяй работал, как автомат. Он выворачивал карманы, и оттуда сыпались помятые марки, сложенные фантиком, серебряные бумажки, пуговица-со звездой, пуговица без звезды, огрызок карандаша, даже женская шпилька, — что угодно, только не деньги. Лёшка ждал.

— Свистнули! — сказал в отчаянии Витяй, и губы его задрожали.

— Может, у тебя дырка, рассеянный с Бассейной?

— Нету. Видишь?.. Свистнули! — повторил убеждённо Витяй. — Вот люди!

Лёшка предположил:

— Может, тот, в очках, который за шампанским лез. Он всё возле тебя вертелся.

Витяй был готов теперь поверить чему угодно: сомнений не было — деньги пропали. Это было так обидно, что Витяй был готов разреветься. Он стоял и протирал глаза кулаками с застарев-

шими чернильными пятнами. А Лёшка, огорчённый не меньше друга, не знал, что ему делать.

— Чего плачешь, парень? — раздалось откуда-то сверху. Витяй поднял поблёскивающее от слёз лицо. На него смотрел высокий майор со множеством пакетов в руках.

— Он деньги потерял... материны, — мгновенно учтя обстановку, торопливо сообщил Лёшка.

— Много?

— Два рубля.

Майор покачал головой, переложил пакеты на одну руку и стал рыться в кармане шинели. Какой-то маленький человек из очереди, с лицом, будто оно всё было в складку, неодобрительно посмотрел на мальчиков:

— Врут, наверное. Попрошайничают с малых лет...

Вокруг них уже стали собираться любопытные, которые всегда не прочь посмотреть на чужую беду. Но майор был склонен доверять ребятам. Он вынул два рубля и протянул их Витяю.

— На!

Однако тот неожиданно спрятал руки за спину и, опустив голову, буркнул:

— Не надо.

Лёшка уничтожающе посмотрел на приятеля.

— Держи, — сказал майор, — раз такое дело. Будешь при деньгах — отдашь.

Тут его окликнула женщина в светлом пальто, и он, торопливо сунув деньги Витяю, почти побежал к ней.

— Пошли, — зловеще прошипел Лёшка, — а то ещё отберут!

Витяй и сам догадывался, положение было вовсе не из таких, чтобы долго болтаться в магазине, и двинулся рядом с Лёшкой, который теперь, как милиционер, вёл его до самого угла, где располагалась толстуха с пирожками.

— Бери! — Лёшка, по-видимому, не считал себя больше зависимым от друга, которому, откровенно говоря, не очень-то понравился его тон. Но, в общем, пирожки с повидлом — это было не так уж плохо, и Витяй решил не обижаться.

Огорчения были позади, и позабывшие о них друзья, снова обнявшись, пошли по проспекту.

— Мировые! — откусив угол пирожка, заключил Лёшка.

Витяю стало приятно, что он доставил ему столько удовольствия.

— Хороший дядька. — майор, — сказал Витяй. — Я ему отдам эти два рубля.

— Когда?

— А как встречу и при деньгах буду.

— А-а, правильно.

Хорошо было, поедая горячие пирожки, брести по Суворовскому, останавливаться у витрин, выбирая себе подходящий телевизор, с презрением отвергать окно, полное игрушек! Интересно было рассматривать выставленные за стеклом кинотеатра «Искра» цветные картинки, где хохотала какая-то зубастая, с кольцами в ушах. Глотая сладкое повидло, приятно было думать, что и тебе будет когда-нибудь шестнадцать лет и тогда можно будет, наконец, попасть на эту уж, наверное, очень интересную картину, раз на неё не пускают ребят. Но всё, говорят, в жизни кончается. Окончились и пирожки. И всё вокруг сделалось привычным и обыденным, и стало видно, что уже стемнело и пора идти домой.

— Может, ещё по конфетине? У тебя там серебряные остались, — неуверенно проговорил Лёшка. Витяй согласился:

— Давай.

У него было такое настроение: «гулять, так гулять!» Он полез в карман за мелочью и остолбенел: карман был пуст.

— Что, опять свистнули? — угрожающе спросил Лёшка.

Витяй ничего не понимал. Он шарил рукой по карману, в который точно, в здравой памяти и уме, полчаса назад опустил медяки и серебрушки. Вдруг что-то звякнуло: раз, другой... Витяй поймал полу тужурки и сразу нащупал под подкладкой твёрдые кружочки. Поспешно он полез в карман и только тут обнаружил, что карман отставал от тужурки в своей верхней части настолько, что в дырку свободно проваливалась рука. Витяй судорожно шарил

ладонью под подкладкой, и вскоре на свет, вместе с какими-то обрывками серой ваты, были извлечены несколько монет и... сложенные вчетверо злополучные два рубля.

— Во здорово!

Лёшкины глаза заблестели, а нос заходил в предвкушении приятных вещей. А Витяй стоял и молчаливо глядел на отыскавшиеся рубли.

— Пошли, проедем, — подтолкнул локтем в бок приятеля Лёшка.

Но Витяй не двигался с места.

— Мы того дядьку майора обманули, — мрачно сказал он.

— Ну и что? — Лёшка даже присвистнул. — Он, знаешь, сколько получает!

Но Витяй стоял на своём:

— Всё равно... Я ему их отдам.

— Где ты его найдёшь, чудик?

— Найду, — упрямо продолжал Витяй. Он оглянулся кругом и вдруг открыл рот от удивления. По противоположной стороне тротуара широкими шагами удалялся высокий военный под руку с женщиной в светлом пальто. Зажав рубли в кулаке, Витяй, ныряя меж прохожих, кинулся за майором и коснулся его шинели: — Дяденька!

Военный замедлил шаг, обернулся, и на Витая с удивлением взглянуло незнакомое усатое лицо. Будто уколотившись, Витяй отскочил в сторону, а офицер улыбнулся, что-то сказал своей спутнице и пошёл дальше.

— Нашёл? — издевательски спросил Лёшка, который уже опять оказался рядом.

— Всё равно я его найду, — упрямо повторил Витяй.

— Да он и забыл про тебя, майор.

— Пускай, — Витяй надёжно спрятал руку с рублями в карман.

Тогда Лёшка пустился на последний трюк.

— Понятно, — протянул он многозначительно. — Сам, один проесть хочешь.

— Я?! — воскликнул Витяй.

— Ты.

— Сам, один?

— Сам.

— А вот посмотришь, как я их проем!

Витяй повернулся к Лёшке спиной и решительно зашагал к дому. Лёшка уныло поплёлся в некотором отдалении за несговорчивым приятелем.

Так они достигли своего дома и вошли во двор. Было уже совсем темно, и все, кто гулял в садике, разошлись. Витяй ещё раз оглянулся на Лёшку, как бы говоря: «Видел, как я проел?» — и, не прощаясь, хлопнул дверью лестницы.

Дома он, не зажигая света, направился к окну и лёг на него, чтобы убедиться, что Лёшка тоже ушёл. «Сидит, наверное, у себя там и хигрит», — подумал Витяй. Потом он включил свет, уселся за стол и, положив перед собой два рубля, стал думать, как их вернуть майору. Но сколько Витяй ни думал, получалось, что встретить майора он может только случайно. А раз так, надо всё время носить два рубля с собой. Но как будешь носить? Возьмёшь и потратишь... Он вздохнул и снова затолкал два рубля в знакомый коробок с верблюдами.

На столе всё так же лежал хлеб, прикрытый полотенцем, и та же кастрюля с остывшей картошкой. Витяй съел одну картофелину, потом другую. Жуя их, он было снова задумался о велосипеде «Орлёнок», о портрете Жукова и градуснике. Затем он разделся и лёг в постель. Мать сердилась, если, придя ночью с работы, заставала его неспящим. Витяй потушил свет и лёг, подложив руки под голову. Сперва было совсем темно, но постепенно глаза привыкали, и потолок светлел. Стали даже видны на нём знакомые трещины.

Вдруг он подумал о том, что Лёшка окажется прав, если Витяй потратит эти два рубля. Он решил, что должен обязательно найти майора... Витяй вскочил с кровати, босиком подбежал к комоду, отыскал коробок и вытащил два рубля. Потом снял с вешалки тужурку и засунул деньги глубоко под подкладку... Они тут будут лежать, пока Витяй не встретит майора.

Он вернулся в постель и опять стал смотреть на потолок. Скоро потолок покрылся синим туманом и куда-то поплыл. Витяй Лопатин уснул. Он спал спокойным сном порядочного человека.

Когда Сергею Орлову было ещё 16 лет, он получил первую премию на конкурсе Центрального дома художественного воспитания детей за стихотворение «Тыква». Серьёзно стихами стал заниматься во время Великой Отечественной войны, когда был командиром взвода тяжёлых танков. После войны вышла первая книга стихов Сергея Сергеевича Орлова. Стихи его печатаются в газетах, журналах и сборниках.

Вечер над землёй горит, не меркнет,
Словно зная в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.
С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоёт он песню
Ту, что пели все мои друзья.
Рота грядет — жарко небосводу,
Тучи выгибаются, звеня;
Знать, с него сегодня полкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.
Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.
С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня
На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня.
Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно зная в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.
Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое зная, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блесна
надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами
хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки,
пулемётчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым.
Спят, подсунув ладони озябшие под щени,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нём домин с берёзкой и старою
мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, бы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли.
Слесарей, трактористов, весёлых
строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

Походная быль

М. А. Шолохову

Дни похода,
Дни мороза
Всё забыть я не могу:
Кобылица из обоза
Жеребилась на снегу.
А мороз сердит чертовски—
Неподвижна синева.

У костра кузнец
Шабловский
Не скупится на слова:
«Друг, подкинь в огонь
поленец,—
Может быть, смягчим
судьбу:
Не окрепнет ли младенец
С белой звёздочкой во лбу?
Может, кованым копытом
Застучит он — дайте
срок —
По дорогам знаменитым,
По простору без дорог».

Александр Ефимович Решетов стал сочинять стихи, когда ещё учился в начальных классах сельской школы. Очень любит писать о природе. Издал более полутора десятков книг стихов.

Пригревает пламя справа,
Слева иней серебрит.
«Не спасти красавца,
право»,—
Нам Шабловский говорит.
И тогда мы разложили
Новых три костра вокруг.
Обогрели, обсушили
Так, что рвётся конь
из рук!
Подвели к нему мамашу,
Накормили сосунка.
И работу эту нашу
Видел командир полка.

Вышел в белом балахоне
Из-за белой он сосны:
«К сожалению, не коней
Мы выращивать должны;
В новый бой у нас дорога,
Ждут нас кручи снежных
гор».

Всё ж склонился я
потрогал
Жеребёночка майор.

**Шла военная трёхтонна
В глубь карельской
стороны.**

Под попоною, на сене,
Под надзором двух солдат,
Привезён он был в селенье,
Где растили жеребят.
В хлев его внесли,
Из соски
Накормили молоком...

Говорил, что не забудет
Он дорогу в тот колхоз;
Говорил, что провожали
В полк пожатием руки,
Что вслед ему мелькали
Шапки, варежки, платки;
Говорил, что рано ль,
 поздно,
Но по праву кузнеца
В кузнице одной колхозной
Подкуёт он жеребца;
Говорил—не врал, конечно,
Оправдал бы всё сполна,
Только был наш друг
 сердечный
Там, где шла тогда война.
Не гадал, что пламя
 брызнет,
Что прожжёт он кровью
 снег,—
Шедший в бой во имя
 жизни,
Верный миру человек.

...Северная даль родная,
Я пришёл к его холму...
Счастливы я, что
 не смолкая
Салютует жизнь ему
Светом вёсен,
Шумом сосен,
Перезвоном топоров;
Ветерок с дорог доносит
Шёпот шин
И стук подков.

Рис. В. Вальцефера

Первый галстук

ОДНАЖДЫ, на вечере воспоминаний первых пионеров, я встретилась с учительницей Ольгой Васильевной Тарасевич. Мы разговорились, вспомнили, как давали торжественное обещание на Дворцовой площади, как нам повязали красные галстуки...

Ольга Васильевна задумалась и говорит:

— А я задолго до этого дня носила красный галстук, хотя в то время ещё не было пионерской организации.

— Расскажите, — попросила я, чувствуя, что за этими словами кроется какая-то интересная история.

— Это было в 1922 году, — начала Ольга Васильевна. — Я жила недалеко от Московского вокзала и очень часто вместе с друзьями - сверстниками бегала на железнодорожные пути. Там всегда находилось дело. После гражданской войны страна была разрушена. Чтобы всё восстановить, не хватало рабочих рук. На

железной дороге некому было разгружать вагоны, они подолгу простаивали на путях. Комсомольцы помогали железнодорожникам, а мы, ребяташки, — комсомольцам.

Нас часто прогоняли, говорили: «Не мешайтесь под ногами», а мы не уходили.

Чтобы выглядеть посolidней, девочки повязывали на голову красные косынки, подражая взрослым работницам. И у меня была такая косынка.

Однажды на железнодорожных путях неожиданно появился Феликс Эдмундович Дзержинский. Он шёл в сопровождении железнодорожников. Рабочие увидели его и стали нас гнать с путей. Дзержинский заметил это, подошёл к нам и спрашивает:

— А это что за работники?

Один из его спутников растерянно развёл руками:

— Не знаем, что с ними делать... Гоним, а они опять приходят.

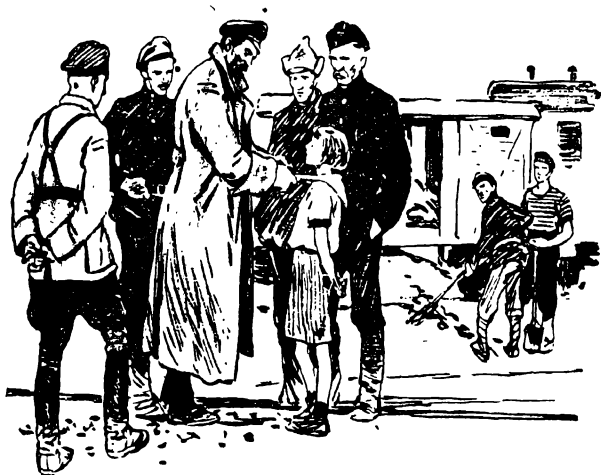
Феликс Эдмундович покачал головой и сказал очень строго:

— Не гнать таких ребят надо, а организовать.

Подошёл ко мне, снял с головы косынку и повязал мне на шею.

— Вот так носи, взрослой ещё успеешь быть! — сказал и хорошо, хорошо улыбнулся.

Рис. Н. Лямина

Прижала я галстук к груди и побежала домой. С тех пор с галстуком больше не расставалась.

* * *

Спустя немного времени на Октябрьской железной дороге был создан пионерский отряд, один из первых в нашей стране.

А. МОИЖЕС

Пионерские памятные даты

В 1919 году, когда на молодую Советскую республику напали иностранные интервенты и белогвардейцы, в Москве на Красной площади состоялся парад, посвящённый дню всеобщего военного обучения.

Это было 25 мая. На празднике молодёжи присутствовали московские ребята, которые называли себя «отрядом юных коммунистов».

Ребят приветствовал Владимир Ильич Ленин. Он сказал, что «и дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции», что «организация детей — это лучший путь воспитания коммунаров».

Каждый, кто читает «Ленинские искры», вероятно, знаком с рисунками художника Константина Константиновича Бенташева. Это он иллюстрировал забавные приключения железного человечка — Гвоздика. Его руками сделаны многие карикатуры, помещаемые в газете.

Весёлые рисунки

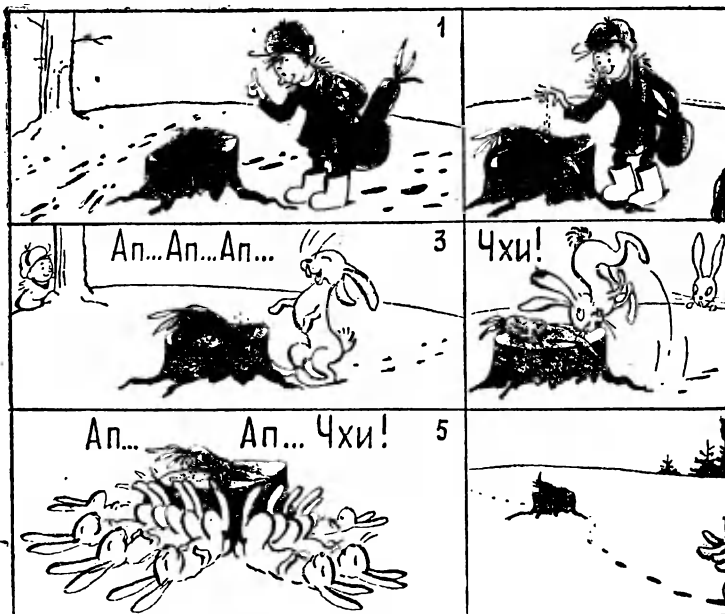
● К. Бенташева можно увидеть в «Календаре школьника» на 1957 год, в «Весёлых картинках» и других журналах и газетах.

В оформлении газеты «Ленинские искры» он принимает активное участие с 1945 года.

Рассказы
К. Бенташева

НЮХАТЕЛЬНЫЙ ТАБАК И ЗАЙЦЫ

Карандаш

□

РАССКАЗ

Рисунки Н. Лямина

□

ЛЁНЯ живёт далеко на Востоке, на краю света, там, где начинается день.

Когда над заливом Петра Великого поднимается солнце нового дня, в Москве и Ленинграде ребята ещё видят первые сны, а часы бьют полночь.

Лёне всего шесть лет, и он ещё не учится в школе. Когда Лёне исполнится семь, его отвезут во Владивосток. Он будет жить в интернате и учиться в первом классе так же, как и все ребята в его возрасте.

А пока Лёня живёт на берегу Тихого океана. Его родители служат на маяке.

По вечерам, едва солнце спрячется за хмурые сопки, на маячной башне вспыхивает яркий огонь. Он горит всю ночь, предупреждая мореплавателей об опасности.

Вокруг маяка на многие десятки километров нет никакого жилья. Сопки, словно взявшись за руки, обступили маяк и небольшой дом со всех сторон, притиснув их к самому океану. Стоит маячная башня на высоком скалистом берегу, а внизу, метрах в десяти, плещут беспокойные волны.

У Лёни нет товарищей, потому что на маяке, кроме него, нет больше ребят. Целыми днями Лёня бегаёт среди скал, ловит вёртких ящериц, греющихся на солнце, соби-

рает красивые камни или, спустившись по крутой тропинке к морю, охотится на морских ежей, купается, загорает.

Но больше всего на свете Лёня любит рисовать. Рисует он всё, что видит: и маяк, и море, и скалы, и цветы. Рисунки получаются у Лёни очень хорошими, потому что рисует он старательно и неторопливо. Жаль вот, мало бумаги у Лёни и карандаш часто ломается. Хорошо ребятам, которые живут в больших городах. В магазине всегда можно купить даже альбом для рисования. А на маяке ничего не купишь. Лишь два раза в год — осенью и весной — зайдёт на маяк корабль, доставит продовольствие, почту и уйдёт, печально прогудев на прощанье. Эхо в скалах несколько раз повторит этот гудок, и снова всё затихнет. А Лёня ещё долго будет стоять на берегу и смотреть на уходящий корабль. Сначала корабль уменьшится до размеров шляпки, потом будет напоминать жука, медленно ползущего к горизонту, потом превратится в точку и вовсе сольётся с горизонтом, пропадёт.

Да! С бумагой на маяке неважно. Приходится бережливо собирать чистые листочки из старых отцовских тетрадей и вахтенных жур-

налов. С карандашами тоже не легче. Отец Лёни, начальник маяка, человек строгий, бережливый и больше одного карандаша не даст сыну. А карандаш часто ломается. Рисовать огрызком трудно, но ничего не поделаешь, приходится беречь и огрызки.

Однажды Лёня так здорово нарисовал маяк, что рисунок понравился даже отцу. Отец улыбнулся в усы, потрепал Лёнины светлые вихры, похлопал, как взрослого, по плечу. Рисунок маяка отец прикрепил над своим столом, а Лёне подарил большой новый карандаш. Грифель у карандаша оказался очень толстым и мягким. Таким карандашом рисовать — одно удовольствие.

Красиво у моря вечером. Солнце из-за сопok ещё освещает облака, а волны уже потемнели и стали холоднее. Чайки носятся над волнами, кидаются в воду, стараясь поймать рыбу. Взлетая, они забавно машут крыльями и перебирают по воде лапками. Стоит чайке подняться над водой, уберёт она лапки и кажется, что их вовсе нет. Крылья у чаек белые, только самые кончики торчат чёрными стрелками.

Чайки у Лёни получаются хорошо, волны — хуже. Увидит Лёня волну, начнёт её рисовать, а она уже добежала до берега и разбилась на песке в мелкие брызги. Пропала волна, рисуй новую.

Океан никогда не бывает спокойным. Чайка может застыть в воздухе на несколько мгновений, а волны нет. Они без конца поднимаются, опускаются. Океан, словно дышит. Ударит волна о берег — выдох. Потом вода отступит назад, увлекая за собой мелкие камешки, — начался вдох. А во время шторма уже и не понять, где вдох, а где выдох. Океан гудит и ревет. Столько злобы и силы в нём, что становится страшно.

В штормовые ночи Лёня долго не может заснуть. Он прислушивается к грохоту океана и думает о том, как должно быть трудно в такое время находиться в море — когда корабль швыряет, как щепку, когда не видно берегов, когда воеет ветер и волны заливают палубу. Но отгрохочет шторм, утихомирится океан, рассеются тучи и снова проглянет солнце. Опять можно бегать среди скал, можно рисовать.

Сидит Лёня над обрывом на своём любимом камне и рисует. Облака над морем сгрудились гигантскими снежными кучами. Сверху они белые-белые, по краям чуть жёл-

тые от солнца, а снизу серые. Нарисовал Лёня облако, принялся за другое. Но второе не удавалось с самого начала. Пришлось доставать из кармана резинку и стирать. Пока Лёня орудовал резинкой, карандаш соскользнул с колен и покатился с обрыва. Посмотрел Лёня вниз — лежит карандаш совсем рядом, зацепился за кочку, застрял. Потянулся за ним Лёня — нет, не достать. Посыпались из-под ног мелкие камешки, полился тонкой струйкой песок, и совсем засыпало карандаш. Торчит только кончик. Отступил Лёня от обрыва и не знает, что делать. Жаль карандаша, очень жаль! Карандаш совсем новый, всего два раза заточен. Сколько им ещё нарисовать можно! Не достанешь — так и будет лежать он без дела. А чем тогда рисовать?

Ещё раз подошёл Лёня к обрыву, решительно сел на край и свесил ноги над пропастью. Попробовал одной ногой упереться в камень, а другой дотянуться до кочки, у которой лежал карандаш. Не дотянуться! Съехал Лёня ниже. Поскакали из-под ног камни, посыпался песок, но уже не тонкой струйкой, а широким потоком, и потянуло Лёню вниз...

...Нашли его поздним вечером. В темноте ворчали волны и кричали перепуганные чайки. Мальчик был без сознания. Правой рукой он крепко сжимал карандаш. Отец осторожно перенёс мальчика в дом, уложил в постель. Пришлось сообщать по радио о случившемся на базу и вызывать врача.

С рассветом на маяк пришёл катер. Врач, строгий седой человек, вошёл в дом, надел белый халат, раскрыл маленький чемоданчик и принялся за дело.

Закончив перевязки, он подошёл к отцовскому столу, долго рассматривал рисунок маяка, покачал головой и сказал, обернувшись к Лёне:

— Ах ты, художник!

Прощаясь, доктор что-то говорил отцу, но Лёня не слышал его слов.

А когда сердитый доктор подошёл к Лёниной кровати и улыбнулся, — его лицо стало вдруг добрым. Он вздохнул, полез в карман и протянул Лёне синий автоматический карандаш:

— Возьми на память. Заточивать его не надо. Повернёшь вот так — появится грифель. А запасные грифели здесь, в пенальчике.

Лёня кивнул головой и закрыл глаза. Он слышал, как доктор прошёл через двор, как заработали моторы катера. Лёне очень захотелось спать. Он осторожно повернулся на бок, положил под подушку свои карандаши и скоро уснул.

Внизу, под маяком, разбивались волны и кричали чайки. Катер скрылся за полоской горизонта, увозя доброго доктора.

На большой камень, с которого Лёня любил рисовать море и облака, вылезла серая ящерица. Солнце пригрело её, и ящерица, должно быть от удовольствия, закрыла глаза.

ЗИМНЕЕ УТРО

Тушит утро в небе искры звёзд.
Над безмолвьем сонных перелесиц
В завтрашнюю ночь уходит месяц,
С неохотой свой покинув пост.

Как приятно выйти за село!
Глядя землю первыми лучами,
Из-за леса солнышко взошло,
Снег засыпав чудо-огоньками...

Всё кругом, как в сказке, расцвело,
Всё сверкает на твоём пути,
Вдаль глядишь — никак не наглядеться...
И не так ли расцветает детство,
Перед тем как в юность перейти?

Сергей МАКАРОВ

Кингисеппская средняя школа

СКОРО ПЕСНИ ЗАЗВУЧАТ

Над красавицей столицей
Скоро песни зазвучат
И за белой мирной
птицей
Над землею полежат.

Праздник дружбы,
праздник мира,
Стаи белых голубей!
Будут гости из Каира,
Молодёжь пришлёт
Бомбей.

Запоёт москвич о мире,
А подхватит пражский
друг.
Разольётся песня шире,
Станет весело вокруг.

Все они полны
стремленьем
Мир и дружбу укрепить
И уверенным движеньем
Злые замыслы сломить.

Надя СЫРИЦО

За 30 лет Александр Андреевич Прокофьев написал около 30 книг стихов. В последние годы Александр Андреевич стал писать стихи и для детей. Они печатаются в газетах, журнале «Мурзилка», выходят отдельными книжками. Почитайте его новые стихи.

ПЕРЕД ОТЛЁТОМ

Скворушка, скворушка,
Масляные пёрышки.
Нет сегодня вам пути —
Дайте лету отцвести.
Журавли не протрубили,
Зайцы дров не нарубили,
Белки печи не топили,
Пирогов не напекли,
Ветры лес не подмели.
Через день, через два
Выйдут зайцы по дрова,
Впятером,
С топором,
Молодец к молодцу.
Будет им по леденцу,
Будет им по прянику,
По цветку-невянику!

В ЗАЗИМОК

Выбегай поскорей
Посмотреть на
снегирей!

Прилетели!
Прилетели!
Стайку встретили
метели,
А Мороз-Красный нос
Им рябинки принёс.

Хорошо угостил,
Хорошо подсластил
Зимним вечером
поздним
Ярко-алые грозди.

СИНИЧКИ

*Милые синички,
Ростом невелички,
Так что жить-
 не тужить
Могут в рукавичке!*

Только осень настанет:
— Цвинь-цвинь,
Улетаем!

Провожать соберёмся:
— Цвинь-цвинь,
Остаёмся!

Только солнышко вышло:
— Цвинь-цвинь —
Всюду слышно.

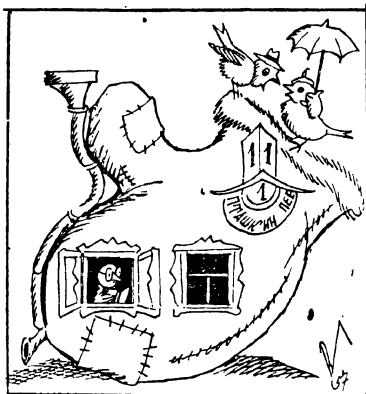

ДЯТЕЛ

Стук слева,
Стук справа,
Отзывается дубрава.
Стук летит на всю
 страницу —
Это дятел клювом
 бьёт.

На траве сидят синицы,
 Может, им перепадёт?
 Может, им перепадёт,
 Может, шапка упадёт?

Шапка красная,
Атласная...
...Мечта напрасная!

Рисунки В. Гальба

Два эпизода из жизни капитана
дальнего плавания Героя Советского Союза
И. И. Афанасьева

1909 ГОД

ПОТОМСТВЕННАЯ рыбацкая семья Афанасьевых состояла из отца, матери и восьмерых ребят. Среди четверых братьев Ваня был младшим, а для четырёх сестёр — старшим.

Уходя на промысел, отец брал себе в помощь троих больших сыновей. Маленький Ваня оставался с матерью, чтобы помогать ей на дому.

— Ванька у меня правая рука! — часто гордилась Василиса Егоровна.

Но тяжёлая участь выпала на долю «правой руки». Девчонки мал мала меньше.

Надо их накормить, прибрать за ними, дров и воды натаскать и ещё нянчить малышку. А на улице ребята бьются в городки. Мог ли Ваня проходить мимо них без зависти?

Иногда ему удавалось положить заснувшую сестрёнку где-нибудь неподалёку под деревцо и вволю намахаться палками. Иногда, да не всегда. После дождя на мокрую землю, к примеру, ребёнка не положишь. И всё же Ваня не унывал. Хорошая смекалка, находчивость выручали его. Он наловчился играть в городки, держа маленькую сестрёнку на левой руке. Его палки летели почти без промаха. Конечно, не очень это нравилось глупой ещё сестрёнке в пелёнках, особенно когда Ваня входил в азарт и держал её запросто под мышкой.

Как-то выигрыш Вани зависел от последней палки и одного-единственного городка, застрявшего в ямке. А противник Ванин нарочно, чтоб позлить его, начал потешать:

— Смотри, как сестрёнку держишь! Что это — полёно?

Ваня спокойно прицелился и сказал:

— Ясно вижу!

Хлоп! Он выиграл.

1942 ГОД

ВЫРОС Ваня. Стал он Иваном Ивановичем — капитаном дальнего плавания, и в том трудном военном году командовал теплоходом «Старый большевик».

Огромный караван * грузовых судов пересекал Северный Ледовитый океан. Они везли для Советской Армии оружие и боеприпасы. Шёл караван под охраной английских военных кораблей, бывших тогда нашими союзниками.

Фашистские подводные лодки и самолёты выследили караван и атаковали его.

Подожжённый, искалечен-

* Караван — соединение, отряд грузовых судов.

ный вражескими авиабомбами, «Старый большевик» с полными трюмами снарядов и боевой техники мог взорваться с минуты на минуту, с секунды на секунду. Командир английского эсминца, видя, насколько положение отчаянное, подошёл к борту советского теплохода и предложил оставить горящее судно, потопить его. Не мог же весь караван останавливаться и подвергать себя смертельной опасности из-за одного!..

А Иван Иванович Афанасьев был иного мнения. Он ответил англичанину:

— Нет, мы не похороним своего судна.

Недаром теплоход назывался гордым именем «Старый большевик». Он бесстрашно остался один среди беспокой-

ного и холодного океана, окружённый подводными пиратами-невидимками. Фашисты не стали больше расходовать на него торпед и бомб, видно, считая, как и англичане, теплоход обречённым на гибель.

Не тут-то было. Советские моряки, вдохновляемые своим мужественным капитаном, потушили пожар, устранили повреждения в машине, дали полный ход и догнали караван.

Иван Иванович сигналом запросил у английского адмирала: «Прошу указать место в строю». И тот, поражённый неслыханной отвагой, ответил: «Отлично сделано!». Как полагалось по уставу, Иван Иванович поднял сигнальный флаг, обозначающий: «Ясно вижу!»

«Старый большевик» благополучно прибыл в Мур-

манск. Вскоре Советское правительство наградило теплоход и всю его замечательную команду орденами. Ивану Ивановичу Афанасьеву присвоили звание Героя Советского Союза. Слава о мужестве советских моряков облетела весь мир. Даже сдержанные на похвалы другим англичане восторгались доблестью русских. В своём послании капитану Афанасьеву английский король написал:

«Георг VI, милостью божьей король и государь высшего ордена Британской империи, поздравляет Ивана Ивановича Афанасьева, капитана теплохода «Старый - большевик» Морского флота СССР, в связи с тем, что Мы сочли Вас достойным именовать и назначить почётным офицером нашего высшего ордена Британской империи».

А. П.

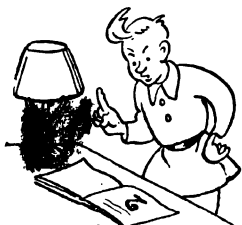
Егор всё ждёт

В июльский зной
Сказал Егор:
— Я жду зимы —
Кататься с гор.
А в январе:
— Скорей бы лето!
Прекрасна летняя пора!
Сейчас мороз,
А там — жара,
Лепта, футбол
И эстафета!

* * *

Так у Егора круглый год:
Он то зимы, то лета ждёт.

Н. САДОВЫЙ

Решил исправить

Как Сеня Оплошкин двойку исправлял

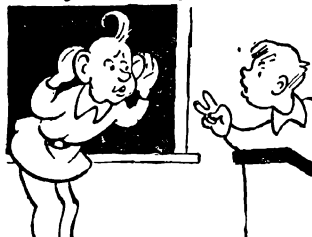
Рассказ в рисунках
Н. Зверева

На уроке сидел тихо

Занимался дома

Слушал внимательно

И.....

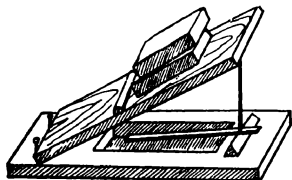
БЕДА, если повадится в курятник ночной разбойник—хорёк: всех кур предавит. А чтоб этой беды не случилось, давайте пойдём на него войной. Воевать будем без ружья.

Селится этот хищник вблизи человеческого жилья: во дворах, сараях, в подполье, в душлистых брёвнах старых построек, в штабелях дров. Для внимательного глаза нет большого труда отыскать хориный лаз. Тут и поставим на ночь капкан № 1 или № 2. Обязательно попадётся!

Если нет капкана, поставим ловушку, которую сделаем сами. Возьмём две дощечки. В той, которая подлиннее, выдолбим, как показано на рисунке, углубление или сквозную дыру, забьём у конца дощечки пару гвоздей. В эти гвозди упрём один конец верхней дощечки, а другой приподнимем и между стоечкой и положенной на нижнюю доску трёхгранной колодочкой введём лучинку-сторожок. На верхнюю доску осторожно положим два—три кирпича или камень, а в углубление нижней — приманку. Ловушка готова. Как только хорёк, вылезая из своей квартиры, тронет лучинку-сторожок, на него

и обрушится тяжесть верхней доски. Не охотиться ему больше тёмными ночами за курами!

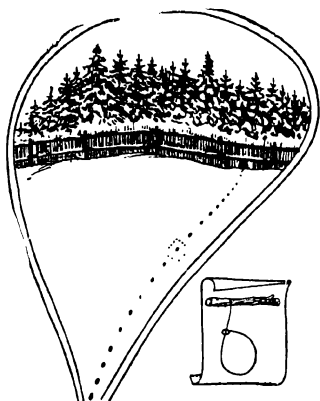
Но есть и другой охотник до курицы — лиса. Для охоты на неё ловушка не годится, обязательно нужен капкан № 3 или № 4.

Увидев на снегу лисий след (ровную строчку), встаньте на лыжи и идите вдоль него, не пересекая. Увидите лисий лаз (например, в плетне), поставьте над лазом петлю из отожжённой проволоки. Углубившись в лес, поставьте капкан. Делается это так. Лопаткой выкопайте в снегу ямку, вложите в неё заряженный капкан и запорошите его снегом. Потом над спрятанным капканом, точно в том месте, где было углубление лисьего следа, черенком лопаты осторожно сделайте новое углубление.

Устанавливая капкан или петлю, не забывайте, что у

лисы очень сильно развито обоняние. Чтобы она не почувствовала подвоха, надо руки, рукавицы и капканы хорошо натереть хвоей.

После установки петли или капкана надо обойти след лисы, дать крюк иногда на несколько километров, но ни в коем случае не пересекать свежего лисьего следа. Замкнув круг лыжнёй, вы заставите лису вернуться обратно по её же прежнему следу, а идя по нему, она обязательно будет в петле или капкане.

Радостно

На лыжи!

Слова Ив. Лобанова
Музыка В. Запольского

1.

Крепко подморозило,
Солнечный денёк.
На густые озими
Снег пушистый лёг.
Мы на лыжах просекой
Мчимся напрямик.
Ёлка с веток бросила
Снег за воротник.

Припев:

На лыжи, ребята!
По свежему снегу, вперёд!
Нас поле и горы,
Зима краснощёкая ждёт!

2.

Радостно и весело
С песенкой идти.
Нам зима развесила
Иней на пути.
Вьётся по тропинке
След и тут и там,
Крикнешь — и снежинки
Падают к ногам.

(Припев)

3.

Всем на щёки жаркие
К вечеру мороз
Выдал, как подарки,
По букету роз.
Мы в сугробы снежные
Пали не раз.
Бодрые и свежие
Завтра снова в класс.

(Припев)

Ноты на 2-й странице
обложки.

ЗНАЙ СВОЙ ГОРОД

Наш художник Владимир Сердюков сделал несколько зарисовок Ленинграда. Вот одна из них. Не знаете ли вы, что это за здание? Где оно находится? Когда построено?

СОДЕРЖАНИЕ

Наш юный читатель! Передовая статья, стихи С. Михалкова и М. Дудина	1
Друзья-приятели. Рассказ А. Минчковского	2
На поверке. Ночью в казарме. Стихи С. Орлова	11
Походная быль. Стихотворение А. Решетова	12
Из истории пионерской организации. „Первый галстук“. А. Мойжес. Пионерские памятные даты	14
Веселая страничка. Рисунки К. Бекташева	15
Карандаш. Рассказ М. Мамедова	16
Творчество юных. Стихотворение Сергея Макарова „Зимнее утро“ и стихотворение Нади Сырицо „Скоро песни зазвучат“	18
Почитайте малыши! Стихи А. Прокофьева: „Перед отлётом“, „В заимок“, „Синички“, „Дятел“	23
„Ясно вижу!“ Очерк А. Пунчёнка	24
Ёжик. „Егор всё ждёт“. Стихотворение Н. Садового. „Как Сеня Оплошкин двойку исправлял“. Рассказ в рисунках Н. Зверева . .	26
Охота без ружья. Совет Дяди Артёма	29
На лыжи! Слова И. Лобанова к песне В. Запольского (ноты на второй странице обложки)	30
Знай свой город. Зарисовка В. Сердюкова	31
На первой странице обложки фототюд Г. Сафонова „Мы живём в городе Ленина“	32
На второй странице обложки ноты к песне В. Запольского „На лыжи!“ (текст на 31-й странице)	
На третьей странице обложки Клуб смекалистых ребят. (Ведёт В. Акентьев)	
На четвёртой странице обложки плакат К. Бекташева „Мою команду слушать всем!“	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Подписано к печати 13.II 1957 г. Тираж 50.000. Заказ № 273.
 Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. М-18018. Цена 1 руб.
 Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Кроссворд

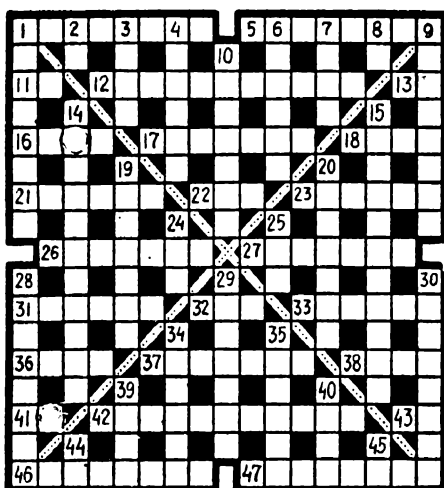
По горизонтали:

1. Прибор, записывающий атмосферное давление. 5. Машина для превращения переменного тока в постоянный. 11. Буква латинского алфавита. 12. Прибор, обнаруживающий электрические заряды. 13. Один из Каролинских островов. 16. Порт на побережье Аравийского полуострова. 17. Сооружение для спортивных выступлений. 18. Настольная игра. 21. Запаянный стеклянный сосуд для хранения лекарственных веществ. 22. Плот для приставания спортивных судов. 23. Сельскохозяйственное орудие. 26. Прибор для подсчёта чего-нибудь. 27. Быстрая, выносливая верховая лошадь восточной породы. 31. Сани без кузова для перевозки дров. 32. Мера длины, равная трём футам. 33. Ядовитое растение. 36. Переносное жилище у народов Центральной и Средней Азии. 37. Рабочее место столяра. 38. Инструмент для прокалывания отверстий. 41. Метрическая мера поверхности. 42. Строительное искусство. 43. Русский художник. 46. Изделия прядильно-ткацкой промышленности. 47. Старший рабочий.

По вертикали:

1. Овощ. 2. Нота. 3. Нарост, опухоль на растении. 4. Опрос-

Отдел. ведет В. Акентьев.

ный лист для получения каких-нибудь сведений. 6. Устойчивый ветер, периодически меняющий направление. 7. Сорное растение. 8. Нота. 9. Фантазия на темы народных песен и плясок. 10. Часть речи. 14. Беззаботность, легкомыслие. 15. Способность к мысленному воспроизведению, фантазия. 19. Драгоценный металл. 20. Ручное метательное оружие в древности. 24. Сказание, вымысел. 25. Геологический период. 28. Офицер при командире для выполнения служебных поручений. 29. Украшение в виде большого кольца. 30. Метеорологический прибор. 34. Драгоценный камень зеленовато-го цвета. 35. Часть зрительного зала. 39. Пещера. 40. Геометрическая фигура. 44. Крупное жвачное животное, разводимое в Центральной Азии и в Тибете. 45. Вещество, вредное для организма.

Цена 1 рубль

Мою команду слушать всем!

Плакат художника К. Бекташева

